

А. МАЙНАРДИ

Житие и автобиография в литературном наследии старца Паисия Величковского*

За два последних десятилетия личность и литературное наследие схииеромандрита Паисия Величковского (1722—1794) привлекали большое внимание исследователей: появились издания его сочинений и переводов, были опубликованы материалы международных конференций, посвященных деятельности молдавского старца, монографии и многочисленные статьи, а также переводы его сочинений на иностранные языки. В частности, благодаря двум петербургским исследователям, П. Б. и М. А. Жгун, сейчас издается серия сочинений прп. Паисия и их переводы по рукописным источникам XVIII—XIX вв.¹

Значение смиренного «родимца Полтавского» огромно не только в литературном плане, но и, особенно, в исторической перспективе, причем не только для русского православия, но и для всего православия восточной Европы. Его наследие лежит на перекрестках двух культурных эпох — с одной стороны, это духовное измерение святоотеческого предания, а с другой — вопросы и проблемы современности.²

Эти два измерения нашли отражение в литературных жанрах и стиле произведений Паисия Величковского, среди которых: 1) святоотеческие переводы (в том числе знаменитое славянское «Добротолюбие»); 2) полемические

* Настоящая статья написана по материалам доклада, прочитанного на Четвертых Лихачевских чтениях «Актуальные проблемы изучения славяно-русской агиографии» (Санкт-Петербург, 28 ноября—2 декабря 2011 г.). Пользуюсь случаем, чтобы выразить свою глубокую благодарность организаторам конференции, а также Татьяне Руди, о. Иоану Икз, Майе Сыщиковой и Петру Жгуну за предоставленные материалы и консультации.

¹ См. обзор литературы: Жгун П. Б., Жгун М. А. Схиархимандрит Паисий (Величковский) Нямецкий // Прп. Паисий Величковский. Автобиография, жизнеописание и избранные творения по рукописным источникам XVIII—XIX вв. / Под ред. П. Б. Жгун, М. А. Жгун. М., 2004. С. 11—26 (библиография на с. 350—359). См. также: Прп. Паисий Величковский. Полемические произведения, поучения, письма / Сост. П. Б. Жгун, М. А. Жгун; Общ. ред. О. А. Родионова. М., 2007; Tachiaos A.-E. Ho hosios Paisios Velitskophski (1722—1794) : Biographikes pēges. Tessaloniki, 2009; Sfântul Paisie de la Neamț. Cuvinte și scrisori duhovnicești : 2 vol. Iași, 2010²; Ică I. I. jr. 1) O corespondență duhovnicească și dogmatică uitată : Cuviosul stareț Paisie de la Neamț și eruditul ieromonah Dorotheos Vulimas în dialog epistolar în Moldova anului 1785 // Revista teologică. Sibiu, 2011. Vol. 20, 4. P. 58—95, 282—309; 2) Odiseea editării scrierilor paisiene — pe marginea unor publicații recente (в печати).

² См.: Mainardi A. 1) La Philocalie et les Lumières // Irenikon. Chevetogne, 2006. № 2—3. P. 225—264; 2) «Slavia Orthodoxa» в эпоху Просвещения : Литературная деятельность старца Паисия Величковского // ТОДРЛ. СПб., 2007. Т. 58. С. 927—939; Pluminism și isihasm : Aufklärung und Hesychasmus. Iași, 2006; Prin ortodoxie și umanism spre reintegrarea Moldovei : Materialele Conferinței Științifico-Teologice / Redactor responsabil I. Mereuță. Chișinău, 2008.

и поучительные произведения; 3) переписка с разными лицами; 4) «Повесть о святом соборе» — сочинение автобиографического характера, условно называемое в научной литературе «Автобиографией».

В рамках настоящей статьи мы сосредоточимся на некоторых стилистических и типологических чертах Паисиевой автобиографии, сопоставляя ее литературную модель с житиями старца, появившимися в конце XVIII—первой четверти XIX в.

В 1905 г. знаменитый славист молдавского происхождения А. И. Яцимирский впервые опубликовал несколько отрывков из рукописи, содержащей еще неизвестную «Автобиографию» Паисия. Речь идет о рукописи БАН 13.3.26 (№ 58 в собрании Яцимирского),³ которую ученый обнаружил в библиотеке Нямецкого монастыря и перевез оттуда в Санкт-Петербург.⁴ Фрагменты, опубликованные Яцимирским, вышли и в румынском переводе в 1928 г.,⁵ но полный текст Автобиографии был издан только в 1986 г. А.-Э. Тахиаосом (с немногочисленными опечатками в наборе славянского текста)⁶ и вновь — в 2004 г., в сопровождении критического аппарата, под редакцией П. Б. и М. А. Жгун.⁷ Начиная с 1988 г. появились переводы Автобиографии на современные европейские языки: итальянский, английский, французский, румынский и новогреческий.⁸ Однако следует отметить, что рукопись, по которой делались все существующие издания, ныне хранящаяся в Библиотеке Академии наук, не является автографом.

В 1998 г. Валентина Пелин обнаружила автограф «Повести о святом соборе» (с «многочисленными авторскими поправками») в рукописи ms. slav nr. 6 монастыря Секу, куда, вероятно, его привез один из биографов Паисия при создании его Жития.⁹ К сожалению, преждевременная кончина молдавской исследовательницы не позволила осуществить предполагавшееся ею издание. Единственный список с автографа (БАН 13.3.26) был сделан, как показывают водяные знаки, между 1810 и 1820 гг. с целью подготовки официальной биографии старца.¹⁰

³ Описание рукописи см.: *Прп. Паисий Величковский*. Автобиография, жизнеописание и избранные творения... С. 28—29.

⁴ А. И. Яцимирский указывает в качестве происхождения манускрипта несуществующее собрание Феофила Гепецкого: «Рукопись Императорской Академии наук, из собрания свящ. о. Феофила Гепецкого, инв. кат. № 58, 4°» (*Яцимирский А. И.* Славянские и русские рукописи румынских библиотек. СПб., 1905. С. 516, примеч. 1).

⁵ *Berechet S.* Autobiografia starețului Paisie Velicikovskii. Iași, 1918.

⁶ *Tachiaos A.-E. N.* The Revival of Byzantine Mysticism among Slavs and Romanians in the 18th Century : Texts Relating to the Life and Activity of Paisy Velichkovsky (1722—1794). Thessalonike, 1986.

⁷ *Прп. Паисий Величковский*. Автобиография, жизнеописание и избранные творения...

⁸ *Paisij Velicikovskij*. Autobiografia di uno staret / A cura dei Fratelli contemplativi di Gesù. Bose, 1998² (prima edizione: Abbazia di Praglia, 1988); *Featherstone J. M. E. (ed.)*. The Life of Paisij Velyckovs'kyj. Harvard, 1989 (Harvard Library of Early Ukranian Literature. Vol. 4); *Paissij Velitchkovskij*. Autobiographie d'un staret. Abbaye de Bellefontaine, 1991 (Spiritualité orientale. T. 54); *Cuviosul Paisie de la Neamț (Velicovski)*. Autobiografia și Viețile unui «Staret», urmate de Așezaminte și alte texte / Ediție îngrijită de I. I. Ică jr. Sibiu, 2002² (1996); *Tachiaos A.-E.* Ho hosios Paisios Velitskopski (1722—1794).

⁹ *Sfântul Paisie de la Neamț*. Cuvinte și scrisori duhovnicesti. București, 1999. Vol. 2. P. 13.

¹⁰ См.: *Tachiaos A.-E.* Ho hosios Paisios Velitskopski (1722—1794). P. 26, 28—29; *Ică I. I. jr.* Odiseea editării scrierilor paisiene. P. 9, n. 26.

Сам А. И. Яцимирский отметил, что если Автобиография написана «очень живо и правдиво», то автор Жизнеописания Паисия Оптинского издания 1847 г. (которым он ошибочно считал монаха Нямецкого монастыря Григория)¹¹ отбирал из оригинала Паисия «факты так осторожно и неумело, что в конце концов совершенно обезличил фигуру нашего замечательного старца — из живого и симпатичного человека дал нам какой-то абстрактный образ подвижника со всеми чисто-каноническими чертами».¹²

Отношения между Паисиевой «Повестью» и последовавшими за ней жизнеописаниями старца весьма интересны для наблюдений за изменениями литературных приемов и художественной парадигмы в церковнославянской книжности на рубеже XVIII—XIX вв.

* * *

Первый биографический «отчет» о жизни Паисия принадлежит румынскому монаху Виталию (конец XVIII в.).¹³ Это небольшое произведение, написанное по-румынски, очень просто и иногда даже безграмотно, является скорее личным свидетельством ученика, чем обстоятельным очерком жизни старца, составленным по литературным канонам. И тем не менее в нем мы находим интересное типологическое сопоставление личности Паисия с преподобными Антонием Великим и Антонием Печерским: как первый явился «просветителем мира и наставником всех монашествующих <...> и основоположником монашеской жизни», а второй «делом и словом и образом просветил всех в земли Российской и весь свой народ», так и «преподобный отец наш Паисий, в последние времена, просветил наш румынский народ своей жизнью, своим словом и образом».¹⁴ Такой же образ старца создается и в последующих его житиях.¹⁵ Агиографический прием не вполне удачно

¹¹ Источником этой ошибки является предисловие упомянутого Оптинского издания, где не названо имя автора: Житие и писания Молдавского старца Паисия Величковского с приискованием предисловий на книги св. Григория Синаита, Филофея Синайского, Исихия Пресвитера и Нила Сорского, сочиненных другом его и сподвижником, Старцем Василием Поланомерульским, о умном трезвении и молитве / Изд. Козельской Введенской Оптиной пустыни. М., 1847 (репринт: Оптина пустынь, 2001). С. 2 (см. ниже).

¹² Яцимирский А. И. Славянские и русские рукописи румынских библиотек. С. 516.

¹³ Автограф опубликован: *Diacon I. Ivan. O sută șaptezeci de ani de la moartea starețului Paisie // Mitropolia Moldovei și Sucevei. Iași, 1964. Vol. 40. P. 656—660.* Пространная редакция читается в рукописи Библиотеки Академии наук Румынии (Biblioteca Academiei Române, București; далее — BAR), ms. rom. 952 (конец XVIII в.): «Arătare în scurt pentru Cuviosul părintele arhimandritul Paisie ce au fost stareț sfintelor mănăstiri Neamțului și Secului» (ff. 111—121); текст опубликован: *Zaharia C. Contribuția românească la personalitatea, opera și amintirea starețului Paisie Velicikovski. Bistrița, 1985. P. 143—154; см. также: Cuviosul Paisie de la Neamț (Velicikovski). Autobiografia... P. 317—326.*

¹⁴ «...doi Antonii <...> unul, adecă al Egiptului și a toată Palistina, mare și luminator lumii și verhovnic tuturoră călugărilor fiind numit de înțelepții părinți, și vieții călugărești începători <...> Sfântul Antonie al Pecerschiei, lumină pusa în sfeșnic de au luminat tuturor, cu fapta cu cuvîntul și cu chipul, în pămîntul Rosiei, la tot narodul său <...> așa acest cuvios părintele nostru Paisie, în vremile mai de pre urmă, au luminat neamul nostru cel rumânesc, cu viața, cu cuvîntul și cu chipul» (ms. rom. BAR 952, ff. 116 verso — 117 recto; см. в изд.: *Zaharia C. Contribuția românească la personalitatea... P. 149—150.*)

¹⁵ См.: *Tachiaos A.-E. N. The Revival of Byzantine Mysticism... P. 142—144* (Житие Митрофана); *Cândea V. (ed.). Cuvinte despre ascultare publicate de ucenicii cuviosului Paisie Starețul la Mănăstirea Neamțu în anul 1817. București, 1997. P. 172* (Житие Григория).

адаптируется к современной реальности, но при этом картина деятельности старца рисуется очень живо и убедительно. Однако этот текст, равно как и краткая статья в *Минях*, напечатанных в Нямце в 1807 г.,¹⁶ никогда не служили «официальным» Житием Паисия.

Литературная история Жития Паисия Величковского весьма сложна. Исследователи обычно опираются на «Предуведомление краткое боголюбивому читателю» к нямецкому изданию «Жития блаженного <...> Паисия» 1836 г., подписанное архимандритом Мардарием.¹⁷ Из него мы узнаем, что сначала собор братьев просил схимонаха Митрофана написать житие старца, «яко [он был] ученик <...> древнейший и в преписании книгъ и грамматическомъ художестве не неискусень».¹⁸ Источниками для Митрофанова Жития служили не только собственные воспоминания автора и рассказы братьев, но и письма, а также Автобиография Паисия, которую он повторяет почти дословно, лишь заменяя первое лицо третьим:

«Елика убо съ нимъ бывше очима моима видѣхъ, и от усть его слышахъ, елика же от посланий его, и от повѣствованія саморучнаго о соборѣ и о себѣ, от юности написаннаго, мало вземъ, елика же от братий слышахъ о великихъ его исправлениихъ».¹⁹

Как замечают П. Б. и М. А. Жгун, ссылаясь на исследование Тахиаоса, существует по крайней мере «пять рукописей Жития <...> блаженного старца Паисия, составленного Митрофаном. Две из них происходят из библиотек Афонских монастырей: Codex Ilias slav. № 234/IX/21—105 (Скит пророка Илии) и Codex Chilandariou slav. № 290 (Хиландарский монастырь). Две другие — из Нямецкого монастыря [BMN]: Codex Niamecius № 212 (156) и Codex Niamecius № 207 (153)».²⁰ Последняя рукопись, изданная Тахиаосом в 1986 г., сохраняет авторскую правку Митрофана (на л. 38 первоначальной пагинации)²¹ и была написана, по наблюдениям П. Жгуна над манускриптами Нямецкого монастыря,²² Климентом, одним из писцов Паисиевой школы.²³

¹⁶ *Vietele sfinților pe luna septembrie. Neamț, 1807. P. 3—4.*

¹⁷ Факсимильное переиздание см. в: *Tachiaos A.-E. N. The Revival of Byzantine Mysticism... P. 151—255.*

¹⁸ Житие блаженнейшаго отца нашего старца Паисия. В нямецком Вознесенском монастыре, 1836 // *Ibid. P. 155—156.*

¹⁹ РНБ, собр. Санкт-Петербургской Духовной академии и семинарии, № 279, л. 2 об.—3 об.; см.: Житие прп. Паисия Величковского, написанное схимонахом Митрофаном // Прп. Паисий Величковский. Автобиография, жизнеописание и избранные творения по рукописным источникам XVIII—XIX вв. С. 120—201 (здесь — с. 124); *Codex Niamecius, № 207 (153), л. 3; см.: Tachiaos A.-E. N. The Revival of Byzantine Mysticism... P. 96.*

²⁰ *Прп. Паисий Величковский. Автобиография, жизнеописание и избранные творения... С. 120.* Пятая рукопись — РНБ, собр. СПбДАиС, № 279, первой пол. XIX в., опубликована П. Б. и М. А. Жгун в 2004 г. С. Четвериков сообщил в своей монографии еще об одной рукописи «Жития Паисия» Митрофановой редакции: «Сборник Секульского монастыря», содержащий и ряд сочинений старца; см.: *Четвериков С. Молдавский старец Паисий Величковский: Его жизнь, учение и влияние на православное монашество [1938]. Париж, 1988². С. 288.*

²¹ «Здѣ вычинавъ 28 листовъ тогъ который и житие сие сочинявъ, и прочитавъ и поправивъ перепись сию схимонахъ Митрофанъ» (см.: *Tachiaos A.-E. N. The Revival of Byzantine Mysticism... P. XXXI.*)

²² Личное сообщение.

²³ Ср.: *Четвериков С. Молдавский старец Паисий Величковский. С. 202.*

По какой-то причине Тахиаос считает, что текст рукописи BMN включает все исправления и изменения рукописи BMN 153 (207) и что BMN 153 (207) «сохраняет оригинал Митрофана более полно»,²⁴ однако сравнение двух рукописей показывает прямо противоположное. Например, характерно, что в рукописи BMN № 212 писец несколько раз исправил первое лицо на третье: видимо, его протографом был текст Паисиевой «Повести» — при этом в BMN № 207 все эти поправки уже внесены в текст. Кроме того, в рукописи № 212 (л. 1) дословный перевод предисловия греческого Жития Григория Синаита, написанного Каллистом Патриархом («Еже убо благия мужы похваль и хвалений хотѣти сподобляти, и вѣнцы имъ плести...»), отредактирован с использованием более распространенной славянской конструкции («Еже убо благия мужы похваляти, и вѣнцы имъ плести...») — тот же вариант читается и в рукописи № 207 (л. 1). Более того: в BMN № 207, на том же листе, находим исправление типичной ошибки, возникшей в процессе списывания: писец первоначально пропустил один период («и вѣнцы имъ плести и възвышати» вместо «и вѣнцы имъ плести и изящества сихъ воспѣвати и възвышати»). Таким образом, именно рукопись BMN № 212 является автографом Митрофана, что доказывают многочисленные авторские поправки и сравнение с почерком других его автографов.²⁵ Климент, вероятно, переписал автограф Митрофана, а сам Митрофан впоследствии поправил его список, несколько сократив слишком длинную первую часть (повторяющую Паисиеву «Автобиографию»).

Хотя труд Митрофана получил распространение среди славянских монахов, сам автор не успел его окончательно отредактировать («по крайния ради его старости и слабости, паче же притупления очесь, исправити ѓ совершенно не возможе»).²⁶ Братия, не вполне удовлетворенная этим Житием, поручила составить еще одно жизнеописание старца схимонаху Исааку, «яко искусному въ молдавскомъ и греческомъ языкѣхъ». Исаак написал новое Житие по-румынски («молдавским языкомъ»), а «по мале времени» после окончания работы и он «отиде <...> ко Господу». ²⁷ Исаак также был близким учеником старца

²⁴ *Tachiaos A.-E. N. The Revival of Byzantine Mysticism... P. XXXII.*

²⁵ В библиотеке Нямца (BMN) находятся следующие автографы Митрофана (после современного шифра приводим в скобках номер по перечню А. И. Яцимирского («Славянские и русские рукописи». С. 558—567) и старые цифры): № 15 (№ 32, № 273) — *Григория Синаита* Слова, 1774 г.; № 122 (№ 40, № 229) — *Григория Паламы* Слова указательные, 1782 г.; № 81 (№ 83, № 268) — *Исихия пресвитера Иерусалимского* Слова душевнополезная к Феодулу, XVIII в.; № 199 (№ 99, № 193) — *Каллиста Катафугиота* 92 Слова в переводе Паисия Величковского, 1778 г.; № 18 (№ 129, № 346) *Максима Исповедника* Творения: постническое Слово, Толкование на «Отче наш» и др., 1771 г.; № 211 (№ 165, № 356) *Петра Дамаскина* Творения, 1775 г. (совместно с Афанасием).

²⁶ «Житие блаженнейшаго <...> Паисия» (*Tachiaos A.-E. N. The Revival of Byzantine Mysticism... P. 156*).

²⁷ Оригинал «Жития Паисия» Исааковой редакции не сохранился, но в 1852—1856 гг. старец Герасим Мирон и архим. Августин Брага почти полностью переписали текст Исаака в Codice Niamcio BMN № 154; опубликован в: *Zamfirescu D. Isaac Dascălu, Biografie inedită a Starețului Paisie cel Mare // Revista Fundației Drăgan. Roma, 1987. Nr. 3—4. P. 457—554; Ivan I. Viața Cuviosului Paisie de la Neamț. Iași, 1997.* В книге «Житие и писания молдавского старца Паисия» (с. 1) вместо «схимонах Исаак» и «списание Исааково» (как в издании 1836 г.) читается «схимонах Иоанн» и «списание Иоанново». Возможно, что в схиме Исаак получил имя Иоанн. Во всяком случае это доказывает, что Нямцкое издание 1836 г. не является источником Оптинского издания 1847 г., подготовленного И. В. Киреевским и старцем Макарием (Ивановым).

и при написании своего текста опирался не только на писания самого Паисия и Житие Митрофана, но и на свидетельства «тех, кто были сначала с ним», а также использовал те сведения, которые сам слышал от своего учителя.²⁸

Однако это Житие, слишком пространное, также не удовлетворило насельников Нямца, которые попросили иеродиакона Григория, «послѣжде бывшего митрополитомъ града Букурешть», сократить его («да избереть изъ онаго краткое Житие»). Григориёво Житие является скорее кратким, но тщательным биографическим очерком, со ссылками на источники (письма Паисия, рассказы очевидцев и т. п.), чем каноническим памятником агиографии.²⁹ По благословению митрополита Ясского Вениамина (Костаки) эта «Повесть вкратцѣ от жития» была напечатана в Нямце в 1817 г.³⁰ и получила широкое распространение («растечеса нынѣ повсюду»).

Разногласия между этими тремя текстами — одним славянским и двумя молдавскими — беспокоили братию: «Якоже бо старец онъ отецъ нашъ овоимъ языкомъ бѣ единъ: тако оубо и житию его обѣма языки подобаеъ написану быти ѣдино и тожде».³¹ В результате монашеским собором определили составить из существующих жизнеописаний («изъ всѣхъ оныхъ») единый текст на двух языках — румынском и славянском («на молдавский и славенский языки едино и тожде писанием вторицею предати»), что и было поручено схимонаху Платону, «иже бѣ писецъ при старцѣ многое время».³² Его текст с румынским переводом иеромонаха Кириака был напечатан в Нямце в 1836 г., более чем через 40 лет после кончины старца. Житие Паисия в Платоновой редакции было издано И. В. Киреевским в четвертом номере журнала «Москвитянин» за 1845 г.,³³ а через два года — в книге «Житие и писания молдавского старца Паисия Величковского»,³⁴ с которой началась издательская деятельность Оптиной Пустыни под руководством иеросхимонаха Макария (Иванова). Старец Паисий стал широко известен во всех слоях российского общества.

²⁸ «... din ceale scrise de dânsul, din ceale de la cei împreună cu dânsul auzite, și din cele gură cu gură vorbite, am cules istoria. Iară Părintele Mitrofan, în istorisirea ce face, zice: Deci eu m-am învățat la dânsul, adecă ucenic al lui am fost, și nu vream puțină, ci treizeci de ani am petrecut cu dânsul...» (BMN, № 154, ff. 72v—73; *Ivan I. Viața Cuviosului Paisie...* P. XXXII—XXXIII).

²⁹ *Zamfirescu D. Paisianismul: Un moment românesc în istoria spiritualității europene*, București: La Rosa vinturilor, 1996. P. 118. См. свидетельство самого Григория в составленном им Житии: «Dintru a căruia [т. е. старца Сильвестра] cinstită și mie petrecuta duhovnicească poruncă am scris și povestirea faptelor și isprăvilor acestora, din care unele de la cei au fost dintru început împreună cu Cuviosul petrecător m-am adevărit, iar altele de la duhovnicescul meu Părinte [Геронтие] povestindu-le le-am auzit, iar al altora și însumi văzător am fost, când în sfântul sobor împreună cu Părintele meu sub ascultarea Cuviosului am petrecut» (*Cânda V. (ed.)*). Cuvinte despre ascultare publicate de ucenicii cuviosului Paisie Starețul la Mănăstirea Neamțu în anul 1817. P. 190—191).

³⁰ Adunarea cuvintelor celor pentru ascultarea. Neamț, 1817. См. современные переиздания: *Zamfirescu D. Paisianismul; Cânda V. (ed.)*. Cuvinte despre ascultare publicate de ucenicii cuviosului Paisie Starețul la Mănăstirea Neamțu în anul 1817; *Paisie de la Neamț*. Autobiografia și Viețile. P. 333—351.

³¹ Житие блаженнейшаго отца нашего старца Паисия. В нямецком Вознесенском монастыре, 1836 // *Tachiaos A.-E. N. The Revival of Byzantine Mysticism...* P. 157.

³² *Ibid.*

³³ См. об этом: *Лазарева Н. Жизнеописание Ивана Васильевича Киреевского // Киреевский И. В. Разум на пути к Истине: Философские статьи, публицистика, письма*. М., 2002. С. LIII.

³⁴ Житие и писания молдавского старца Паисия Величковского. М., 1847.

* * *

Остаются нерешенными вопросы: когда именно были написаны все упомянутые редакции Жития Паисия и почему они так долго не печатались. «Предуведомление краткое <...> читателю» 1836 г. на многое не дает ответа. Возможно, что за промедлением издания стояло напряжение между славянской и румынской частями Паисиевой общины, которая в 1796 г. насчитывала около пятисот членов, две трети из которых (или более) составляли румыны.³⁵ Митрофан довольно критически описывает установление монашеской жизни в Нянце, по сравнению с «райским положением» в Драгомирне (откуда Паисиево братство ушло в 1775 г.), Исаак же и особенно Григорий очень похвально отзываются о румынской части братии.

Первые четыре настоятеля в Секу и Нянце были «малороссиянами»: Софроний (1794—1800, 1802—1805), Дорофей (1800—1802), Досифей (1805—1809) и Иоанн (1809—1812); потом настоятельствовали молдаване: Сильвестр (1812—1818), Иларий (1818—1823), Дометиан (1823—1834), Неонил (1834—1835). Славянином по происхождению был также Мардарий (1835—1838).³⁶ Если первый преемник старца Паисия, Софроний, пользовался всеобщим уважением и любовью,³⁷ то игуменство Иоанна (1809—1812), пришедшее на время русской оккупации румынских княжеств на фоне русско-турецкой войны 1806—1812 гг., получило очень резкую оценку первого биографа Паисия, монаха Виталия.³⁸ При настоятельстве молдаванина Сильвестра (1812—1818) внутренние отношения в общине вновь стали мирными: именно тогда был поставлен вопрос об издании Жития старца Паисия.

Принято считать, что Митрофан составил Житие Паисия около 1814 г., но это мнение не подтверждается документами.³⁹ По-видимому, оно основывается на сообщении вышеупомянутого предисловия, в котором говорится, что «по отшествии Отца нашего <...> яко болѣе двадесять лѣтъ преїде въ молчаниї».⁴⁰ Я полагаю, что это хронологическое указание относится не

³⁵ Валентина Пелин, опираясь на «Синодик» Паисиевой общины 1796 г. (BMN, mss. slave № 282), полагает, что к этому году в общежитиях Нянца и Секу проживало 483 монашествующих, в том числе 220 румын, 80 «славян», 13 болгар и сербов, 2 грека и еще 168 человек, чью национальность нельзя с уверенностью определить. См.: *Pelin V. Obştea monahală din vatra nemţeană la 1796 // Iluminism şi isihasm. P. 189—199.*

³⁶ См.: *Яцимирский А. И.* Славянские и русские рукописи румынских библиотек. С. 543—544. Яцимирский ссылается на рукопись: *Andronic. Scurtă istorie pentru igumenii şi stareţii sfântelor monastiri Neamţ şi Secu. 1858.*

³⁷ «...au fost la tot soborul cel ce era intru intristare, puţină uşurinţă şi pace sufletească de părintele Sofronie: că toţi iubiia pre el, pentru a lui dragoste şi smerenie; iară mai ales pentru cea desăvârşită milostivire» (*Isaac. Viaţa. F. 155; Ivan I. Viaţa Cuviosului Paisie... P. 86*).

³⁸ «Parintele Ioan <...> malorosian <...> fiind în vremile acelea moscalii tare stăpânatori <...> prin căutare şi iconomie i s-au dat toată voia, adică să slujească cu pombă, cu mitră, cu bederniţă, în scurt, că un arhieru cu multă pofolă»: *Cronica lui Vitalie monahul pentru anii 1818—1821 (ms. rom. BAR 794, f. 14) // Cuvlosul Paisie de la Neamţ. Autobiografia şi Vieţile... P. 328.*

³⁹ А. И. Яцимирский датирует автограф Митрофана BMN № 212 (156) началом XIX в., а рукопись № 207 (153) концом XVIII—началом XIX в. (*Яцимирский А. И.* Славянские и русские рукописи румынских библиотек. С. 560—561). Тахиаос оспаривает датировку Яцимирского только на основании хронологической информации «Предуведомления краткого» (см.: *Tachiaos A.-E. N. The Revival of Byzantine Mysticism... P. XXXI—XXXII*).

⁴⁰ Цит. по: Житие и писания молдавского старца Паисия Величковского. С. 1; см. также: Житие блаженнейшего отца нашего старца Паисия. В нямецком Вознесенском монастыре, 1836 // *Tachiaos A.-E. N. The Revival of Byzantine Mysticism... P. 155.*

к Житию, написанному Митрофаном, а к подготовке к печати Жития Паисия в Платоновой редакции. Сравнение текста Жития Паисия Нямецкого издания 1836 г. с текстом оптинского издания 1847 г. доказывает, что они различаются в некоторых деталях, из которых следует, что текст, опубликованный в Оптиной, предшествует нямецкому.⁴¹ В оптинском издании «Предъведомление краткое боголюбивому читателю» не подписано и не называет Платона в качестве автора:

«И нынѣ помощью Божиею и молитвами Блаженнаго отца нашего житие сие, поелику возможно, исправися, и оскудѣвающая дополнивше окончахомъ и тебѣ, Боголюбивому читателю, въ пользу душевную предложихомъ...».⁴²

Соответствующее место в издании 1836 г. дополняется и исправляется:

«И нынѣ помощью Божиею и молитвами Блаженнаго отца нашего житие сие, поелику возможно, исправися, и оскудѣвающая дополнивше окончися схимонахомъ Платономъ, иже бѣ пѣсець при старцѣ многое время: по повелѣнію же преосвященнаго Митрополита Веніамина напечатася по славенски и молдавски. И тебѣ, Боголюбивому читателю, въ пользу душевную предложихомъ...».⁴³

Кроме того, в Оптинской редакции говорится, что иеродиакон Григорий (впоследствии митрополит Валахийский, с 1823 по 1829 г. и с 1833 г. до его смерти в 1834 г.) «нынѣ — митрополитъ Града Букурешта и всея Валахии», в то время как в издании 1836 г. мы читаем: «...послѣжде *бывшій* (курсив мой. — А. М.) Митрополитъ града Букурештъ».⁴⁴

Но важнее другое. Перечень настоятелей Нямца в Жизнеописании, изданном Оптиной пустыней, оканчивается словами: «По смерти Иоанна настоящий *нынѣ* молдавскаго языка первый Старецъ Отець Силвестръ»;⁴⁵ Нямецкое же издание в эту фразу внесло хронологическую поправку: «По смерти же Иоанна, *бысть* из молдавскаго языка первый Старецъ Отець Силвестръ», а также дополнение: «По егоже благословенію написася житіе сѣе».⁴⁶ Итак, 1818 г. (год смерти Сильвестра) — дата *ante quam* написания Платоном Жития старца Паисия; датой *post quam* является 1817 г., когда в Нямце была напечатана на румынском языке Григориева «Повесть вкратцѣ от житія» молдавскаго старца.

Если резюмировать взаимосвязи рассмотренных нами редакций Жития преподобнаго Паисия, то получается следующая картина. В конце XVIII или начале XIX в. схимонах Митрофан, бывший к тому времени в преклонных годах (он родился в 1727 г.), пишет «Житие и подвиги блаженнаго отца нашего старца Паисиа», но не успевает его окончательно отредактировать (это — единственное житие, где не упоминаются преемники Паисия в настоятельстве). Несколько позже Исаак пишет на румынском языке свой текст, дополняя и расширяя рассказ Митрофана.

⁴¹ См.: Mainardi A. La corrispondenza dello starec Paisij Veličkovskij (1722—1794). Università di Torino, 2002. P. 21—28.

⁴² Житие и писания молдавскаго старца Паисия Величковскаго. С. 2.

⁴³ Tachiaos A.-E. N. The Revival of Byzantine Mysticism... P. 157—158.

⁴⁴ Житие и писания молдавскаго старца Паисия Величковскаго. С. 2; Tachiaos A.-E. N. The Revival of Byzantine Mysticism... P. 156. Здесь и далее курсив мой.

⁴⁵ Tachiaos A.-E. N. The Revival of Byzantine Mysticism... P. 70.

⁴⁶ Ibid. P. 249.

При игуменстве Сильвестра (1812—1818), возможно в связи с учреждением типографии в Нямце (в 1807 г.), встал вопрос об издании официального Жития преподобного. После публикации краткого жизнеописания, составленного Григорием на румынском языке, собор братии согласился поручить схимонаху Платону написание единого текста жития, который был окончен в 1818 г. и переведен на румынский язык о. Кириаком. Вскоре после 1823 г. (когда Григорий стал митрополитом Валахии) к тексту Платона присовокупили «Предупреждение читателю», с целью его напечатать, но по какой-то причине издание не состоялось до 1836 г., когда текст подвергся последней редакции перед публикацией. Между тем списки славянского текста Платона (без имени автора) распространились среди учеников Паисия в России,⁴⁷ что способствовало расцвету русского старчества.

* * *

Вернемся теперь к автобиографии Паисия. Как мы уже отметили, это сочинение имеет особое название, которое указывает на цель его создания:

«Повѣсть о святѣмъ соборѣ превозлюбленныхъ о Господѣ отецъ и братий и чадъ моихъ духовныхъ, собравшихся во имя Христова ко мнѣ недостойному спасения ради душевнаго, промысломъ Божиимъ пребывающемъ во святыхъ и честныхъ сихъ обителехъ: во святѣй и величѣй обители Вознесения Господа и Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, нарицаемѣй Нямецъ, и во святѣй обители Честнаго Славнаго Пророка Предтечи и Крестителя Господня Иоанна, именуемѣй Секуль, како и коея ради вины святѣй сей соборъ собрася ко мнѣ грѣшному и недостойному».⁴⁸

Сам автор является не героем своего повествования, а лишь свидетелем того события, которое произошло «промыслом Божиим», а именно — как сама община («святѣй сей собор») собралась вокруг него («собрася ко мне грѣшному и недостойному»). Достоверный рассказ о возникновении братства и является целью повествования.

С точки зрения жанровой классификации можно назвать целый ряд предшествовавших или современных «Повести» Паисия памятников⁴⁹ — от «Жития протопопа Аввакума, им самим написанного» до «Автобиографий»

⁴⁷ См., например, свидетельство св. Игнатия (Брянчанинова): «Позволяю себе послать к вам вновь вышедшую книгу: „Житие и писания Молдавского старца Паисия Величковского“. В вновь вышедшей книжке, которую я давно знаю в рукописях, с особенною ясностью, изложено учение об Иисусовой молитве» (Свт. Игнатий (Брянчанинов). Собрание писем. М., 2000. С. 331, № 84). С. Четвериков цитирует рукопись № 56 из Московской Синодальной библиотеки («Житие блаженнейшаго отца нашего старца Паисия, сочинено отцом Платоном»); см.: Четвериков С. Молдавский старец Паисий Величковский. С. 288. Исследователи пока не обратили внимания на еще одну рукопись славянского Жития Паисия начала XIX в. (Платоновой редакции?) из Biblioteca mitropoliei Moldovei și Sucevei (до 1958 г. хранилась в монастыре Секу, inv. 30/17/1), которая является «списком более древнего экземпляра»; см.: Lința E. Catalogul manuscriselor slavo-române din Iași. București, 1980. С. 98—99 (№ 55).

⁴⁸ Паисий Величковский. Повесть (БАН, 13.3.26, л. 1); Прп. Паисий Величковский. Автобиография, жизнеописание и избранные творения... С. 30; Tachiaos A.-E. N. The Revival of Byzantine Mysticism... P. 3.

⁴⁹ См.: Tachiaos A.-E. N. L'autoportrait en tant que genre littéraire de la littérature balkanique slave du XVIIIe siècle // Επιστημονική Ελετήρις Θεολογικής Πανεπιστημίου Θεσσαλονίκης. Т. 19 (1975). P. 429—437.

его современников, таких как Парфений Павлович (1695—1760),⁵⁰ Досифей Обрадович (1739—1811),⁵¹ Софроний Врачанский (1739—1813),⁵² — но в идейно-нравственном смысле автобиографизм Паисия имеет совсем другие корни.

В своих работах об автобиографии и житии в древнерусской литературе Е. В. Крушельницкая замечает, что «вплоть до второй половины XVII в. <...> автобиографизм не имел своего жанрового оформления и развивался в недрах других жанров», в частности, «в жанрах не литературной, а деловой письменности», таких, например, как «расспросные речи», записки-воспоминания о почитаемых наставниках, завещания-уставы игуменов-основателей монастырей. «Новый» автобиографизм Епифания и Аввакума, напротив, отличается от автобиографических элементов, случайно или косвенно присутствующих в прежних памятниках, прежде всего деятельностью «личностного начала, гораздо более эмоционального и динамичного».⁵³

Именно это *личностное начало* повествующего я у Паисия как бы разукрупняется, становится не центром изображения, а скорее точкой схождения сплетающихся перспектив: автобиографическое повествование сочетает в себе естественную яркость рассказа и спокойную кротость исповеди, искреннее изложение личных воспоминаний и невозмутимую мудрость духовного завещания наставника. За описаниями переживаний молодого послушника, а также его непростых поисков духовного отца мы чувствуем снисхождение опытного старца и его наставление своим духовным чадам.

Когда Паисий приступает к написанию своей «Повести», он уже известный и уважаемый всеми старец (т. е. настоятель) крупнейшего молдавского монастыря того времени. Несомненно, он знает или догадывается, какой огромный отклик приобрело бы повествование о его жизни — не только внутри общины, но и во всем окружающем мире.

Как мы видели, одной из главных особенностей монашеского движения Паисия является совместное проживание братьев разных национальностей, в частности славян и молдаван.⁵⁴ Паисий очень четко понял, особенно во время русско-австро-турецкой войны 1787—1792 гг., что после его смерти внешнее политическое давление может легко нарушить духовный мир и внутреннее равновесие этой разноязыкой общины. Надо было предложить письменное доказательство того, что с самого начала в общину на равных правах входи-

⁵⁰ См. о нем: *Бояджиев П.* Парфений Павлович. София, 1988; *Баева А.* Автобиографията на Парфений Павлович // Епископ-Константинови четения (Шуменски университет). 2005—2006. Т. 10. С. 223—228.

⁵¹ «Живот и приключенија Димитрија Обрадовича, наречног у калуђерству Доситеја, њим истим списат и издат». Ч. 1—2. 1783—1788.

⁵² «Житие и страдания грешнаго Софрония» (1805).

⁵³ *Крушельницкая Е. В.* Автобиография и житие в древнерусской литературе : Жития Филиппа Ирапского, Герасима Болдинского, Мартирия Зеленецкого, Сказание Елеазара об Анзерском ските : Исследование и тексты. СПб., 1996; см. также: *Крушельницкая Е. В.* К вопросу об автобиографизме в древнерусской литературе // Русская агиография : Исследования. Публикации. Полемика / Под ред. Т. Р. Руди, С. А. Семячко (отв. ред.). СПб., 2005. С. 102—121 (в частности с. 109—111). *Мартирий Зеленецкий и основанный им Троицкий монастырь* / Изд. подгот. Е. В. Крушельницкой. СПб., 1998.

⁵⁴ См.: *Citterio E.* La dottrina spirituale dello 'starec' Paisij : Radiografia di una comunità // Mainardi A. (ed.). Paisij, lo starec : Atti del III Convegno ecumenico internazionale di Spiritualità russa (Bose, 20—23 settembre 1995). Magnano, 1997. P. 55—82 (особенно — с. 56—57).

ли славяне и молдаване, что ее основатель был малороссиянином, но что он с юности знал и любил румынский язык и монашескую жизнь в молдавских скитах, и т. д. Литературное изложение — притом высокого стиля — служит также осуществлению задач «деловой письменности» — таких, например, ее жанров, как «акт основания монастыря», «духовное завещание» или воспоминания основателя обители и т. п.

Агиографический прием создания Жития как средства сохранения памяти о жизни и подвигах святого используется Паисием для борьбы с забвением — забвением собственной истории монашеской общины («содержатися святому сему собору, останется поне малое нѣкое вѣдѣние о началѣ его, и яковымъ образомъ собрася»). Но это уже задача вполне конкретная:

«Видя азъ себе уже къ концу жизни моя приближающася, и разсуждая, яко всякая вещь, писанию не предаемая, всесовершенному предаваема бываетъ забвению, умыслихъ поне отчасти о святѣмъ семъ соборѣ святыхъ отецъ и братий и превозлюбленныхъ моихъ духовныхъ чадъ, спасения ради душъ своихъ во имя Христово ко мнѣ собравшихся, писаниемъ изъявити. Да не точию чадомъ моимъ по смерти моей, но и чадомъ чадъ моихъ, аще будетъ благоволение Божие, содержатися святому сему собору, останется поне малое нѣкое вѣдѣние о началѣ его, и яковымъ образомъ собрася».⁵⁵

Не случайно, что в предисловии Паисий подчеркивает духовные задачи своего текста. Предисловие в житиях обычно является местом встречи трех лиц: святого, т. е. героя агиографического текста, агиографа или автора повествования (очень часто ученика преподобного) и адресатов — братии или вообще всех благочестивых читателей. Как пишет Клаудия Рапп относительно ранней греческой агиографии:

«The multifaceted connections that tie together the saint, the hagiographer and his work, and the audience are implicit in the *topoi* commonly encountered in the prefaces to hagiographical works. When hagiographers reflect on their role, they usually explain that they were prompted to take up their pen because of their desire to preserve the precious memory of the saint for posterity. Quite often, the hagiographer is a disciple of the saint and <...> presents himself as the prototype of the saint's clientele, and hence as a model for the ideal audience of his own text».⁵⁶

В нашем случае все эти традиционные элементы пересекаются: не только сам автор является в определенной мере героем рассказа, но и адресаты включаются в повествование, в котором они находят — равно как и сам автор — разные примеры духовно-нравственного поведения.

Две причины побудили старца говорить о себе: во-первых, опасение клеветы против общины после его смерти со стороны тех, кто ничего не знал о происхождении основателя; во-вторых, отеческая забота о молодых братьях, которые любви ради духовной желают знать о начале подвижнической жизни своего наставника:

⁵⁵ Паисий Величковский. Повесть (БАН, 13.3.26, л. 1); *Прп. Паисий Величковский. Автобиография, жизнеописание и избранные творения...* С. 30; *Tachiaos A.-E. N. The Revival of Byzantine Mysticism...* P. 3.

⁵⁶ *Rapp C. Storytelling as Spiritual Communication in Early Greek Hagiography : The Use of Diegesis // Journal of Early Christian Studies. Vol. 6, № 3. The Johns Hopkins University Press, 1998. P. 431—448 (p. 432).*

«А понеже ово, яко бояся нѣкихъ святому сему собору потаенныхъ навѣтниківъ, паче же изъ въ неправославной странѣ рожденныхъ, да не како по прешествии моемъ отъ жизни сея и по преставлении братий святыхъ, извѣстно вѣдущихъ мя, гдѣ родихся, приведуть братий святыхъ во усумнѣние о мнѣ, въ коей странѣ родихся. Ово же помышляя, коль желателно есть чадомъ моимъ духовнымъ истинную по Богу ко мнѣ любовь стяжавшимъ, поне отчасти услышати о моемъ рождении, и воспытании, и изъ мира изшествии, и въ монашествѣмъ образѣ пребывании, даже до времени своего ихъ ко мнѣ пришествия, и въ святое послушание пріятия».⁵⁷

Таким образом, герой Паисиевой Повести не представляет собой образца для подражания, как это обычно бывает в житийном жанре, но, наоборот, — становится примером слабости и неудач, побуждая тем самым своих учеников к неуклонному упованию на Бога на пути монашеского послушания:

«Того ради умыслихъ и о мнѣ самомъ чадомъ моимъ духовнымъ, и о прежде бывшемъ моемъ прежде пріятия братий пребывании отчасти объявити, не яко хотя житие свое писанию предати, да не попустить мнѣ Христось Богъ Спаситель мой въ таковое бѣснование впасти! Кто бо есмь азъ, не сотворивый во вся дни живота моего ни едина блага, но предреченныхъ ради винъ, паче же и утверждения ради братий, како должно есть, наипаче же въ сия бѣдная, плачу и рыданию достойная времена послѣдовати правому и истинному святыхъ и Апостольския Восточныя Церкви, по силѣ Божественнаго Писания и учения Богоносныхъ отецъ нашихъ, разуму и мудрованию».⁵⁸

В действительности истинным героем повествования и образцом для подражания является общее житие братьев в безмолвии и в братской о Господе любви. Но ведь «Повесть о святѣмъ соборѣ» — незаконченная. Текст внезапно обрывается после очень подробного изложения странствований «юного старца» по Украине и Молдавии. Рассказ должен был бы, вероятно, продолжаться до описания возникновения Паисиевой общины на Афоне и ее возвращения в Молдавию (1763), возможно, вплоть до вселения в Драгомирну.⁵⁹ Не случайно, что в своих письмах Паисий многократно повествует именно об этом периоде формирования своей общины.⁶⁰

Паисий является выдающимся писателем. Естественность и простота его стиля, искренность исповедального тона, непосредственный и горячий рисунок внутренних и внешних событий захватывают читателя. Как правильно заметил А.-Е. Тахиаос:

«Velichkovsky's narrative is absolutely natural and unaffected. It frequently reveals a childlike naivety and an impetuous spontaneity, which make his text not only vivid but also particularly powerful and convincing. Velichkovsky's autobiography provides a true portrait of its author <...> stripped by his own hand

⁵⁷ Паисий Величковский. Повесть (БАН, 13.3.26, л. 1); *Прп. Паисий Величковский. Автобиография, жизнеописание и избранные творения...* С. 30; *Tachiaos A.-E. N. The Revival of Byzantine Mysticism...* Р. 3.

⁵⁸ Паисий Величковский. Повесть (БАН, 13.3.26, л. 1 об.—2 об.); *Прп. Паисий Величковский. Автобиография, жизнеописание и избранные творения...* С. 30—31; *Tachiaos A.-E. N. The Revival of Byzantine Mysticism...* Р. 4.

⁵⁹ Э. Читтерио полагает, что повествование здесь намеренно прекратилось (см.: *E. Citterio. Introduzione // Paisij Veličkovskij. Autobiografia di uno starec.* Р. 40—42).

⁶⁰ См. его письма к Афанасию (конец 1750-х гг.), к митрополиту Гавриилу (Калимаки) (1763), первое послание к Димитрию (1766), письма к Запорожскому Войску (1768).

of every vestige of the cosmetic effect of his great renown and of any aura of glory. However, this process of self-abasement reveals the great ascetic teacher's spiritual magnitude and the depth of his soul. <...> Here we have spiritual beauty, natural and unembellished, the beauty which is identified with Truth».⁶¹

Если «Житие» Аввакума яркостью своих образов и характеристик людей, сочностью и непосредственностью живого русского языка превратило традиционный жанр жития в автобиографическую повесть, то сто лет спустя «Повесть» Паисия в рамках того же житийного жанра стремится придать автобиографическому рассказу духовное измерение в русле святоотеческого предания. Сам выбор «словенского» языка — в отличие, например, от Досифея Обрадовича или Софрония Врачанского, которые намеренно пишут на языках своих возрождающихся национальностей, — подчеркивает принадлежность к древней, «вселенской» церковной литературной традиции.

* * *

Из всех биографов Паисия Митрофан более других старается соблюдать агиографические каноны. Например, он предпосылает своему Житию славянский перевод предисловия Жития Григория Синаита.⁶² Иногда он вставляет в Паисиево повествование краткие комментарии и агиографические топосы, подчеркивающие подвиг героя, в то время как Паисий их тщательно избегает. Так, повествуя о расставании Паисия с его другом Димитрием, отказавшимся от монашеского пути, Митрофан комментирует решение своего будущего старца стать монахом при помощи устойчивой формулы «яко твердый адамант», «которая наряду с другими литературными топосами традиционно используется в агиографических памятниках для описания твердости святого в вере или терпении»: «Димитрий отъхаль в Полтаву къ матери (вычеркнуто «своей») в дом свой. Блаженный же отецъ нашъ, *столпъ непоколебимый адамантския крѣпости* в намерении своемъ, отъхавъ (вычеркнуто «отъхаль») в путь свой, сия к нему прирек словеса...».⁶⁴ А в соответствующем отрывке из «Повести» мы читаем просто: «И тако, цѣловавше другъ друга послѣднимъ уже цѣлованиемъ и попростившеся, разыдохомся. Онъ убо отъде въ домъ свой, азъ же, путемъ моимъ идыи, печаловахъ...».⁶⁵

Но за агиографической стилизацией у Митрофана все более обнаруживаются признаки нового психологизма — такие, как эмоциональность стиля и склонность к автобиографическим вставкам, прерывающим ход повествования. Создавая Житие своего учителя, Митрофан не столько исполняет соборное поручение, сколько выполняет обет в пользу своих братьев, которые лично не знали старца Паисия:

⁶¹ Tachiaos A.-E. N. The Revival of Byzantine Mysticism... P. XXIV.

⁶² Ibid. P. XXXIV—XXXV.

⁶³ См. статью в настоящем томе: Руди Т. Р. О топосе адаманта в древнерусской книжности // ТОДРЛ. СПб., 2014. Т. 63. С. 3—28.

⁶⁴ ВМН, № 212 (автограф), л. 15 об.; весь этот фрагмент был вычеркнут (самим Митрофаном?) в списке ВМН, № 207 (л. 17—17 об.), в который была внесена отмеченная правка.

⁶⁵ Прп. Паисий Величковский. Автобиография, жизнеописание и избранные творения... С. 51.

«Азь убо учився у него, то есть ученикъ онаго бывъ <...> хошу уже братиямъ моимъ, послѣдѣ въ соборъ нашъ пришедшымъ и лица его не видевшымъ, и прочиимъ всѣмъ на пользу прочитающимъ повѣсть сотворити...».⁶⁶

Поэтому, если Митрофан использует традиционный мотив недостаточности и несоответствия своего писания той похвале, которой достоин святой («и зѣло хотѣхъ бы и языкомъ достойнымъ обогатѣти, имже бы возмогъ отцу нашему приличный долгъ похвалами отдати»), самым главным для него является написать чистую правду («ученикъ за долгъ почель, еже по возможности написати праведное»).⁶⁷ Его автобиографические замечания имеют, таким образом, силу свидетельства и такую же назидательную цель, как и рассказы самого Паисия.

Приведу лишь несколько примеров. Когда Митрофан страдает от тяжелого послушания в поварне, старец утешает его, рассказывая о своем собственном опыте и даже неудачах:

«Егда азъ изыдохъ изъ мира и приидохъ ко блаженному отцу нашему въ послушание в монастырь Драгомирну, въ 1766 году, имѣхъ послушание въ поварнѣ, и проходя е со всякимъ усердиемъ и страхомъ Божиимъ два лѣта, имѣя от него въ души моей неизреченную пользу, таже ослабѣвъ ногама зѣло и едва могохъ ходити. Единою приидохъ къ нему, яко отцу чадолюбиву, возвѣщая болѣзнь мою. Онъ же, утѣшая мене, отверзъ святая своя уста и рече: „Нѣсть, брате, тяжчайшаго послушания, якоже въ поварнѣ, занеже все служение на ногахъ“. *Приложи же и о себѣ глаголати:* Егда бѣхъ юнь, <...> положихъ въ души моей таковое намѣрение, еже не лежати никогдаже, но весь день въ послушании на ногахъ, а всю ночь стояти на правилѣ. <...> Пребывъ убо въ семъ нѣкое время, и возболѣша ми нозѣ, тако что и ходити не могохъ: принужденъ убо быхъ, и не хотящъ, оставити намѣрение мое».⁶⁸

Или когда Митрофан приводит из Паисиевой «Повести» рассказ о приключении, связанном с неудачной выпечкой хлеба, он подчеркивает, вслед за своим старцем, поучительное значение происшествя:

«Онъ же, единою пострадавъ, оттолѣ прилѣжно внимая, како хлѣбъ печется, и тако, Богу поспѣшествующу, научився и хлѣбъ пекти. И еже въ таковой вещи пострадавъ дѣломъ, за мое неискусство, *то тое и написавъ онъ саморучно братии, приходящей во общество наше*, да не ужасаются за свое въ таковыхъ и прочиихъ послушаниихъ неискусство, Божию бо помощию и своимъ усердиемъ возмогутъ во искусство опредѣленныхъ тѣмъ послушанийъ приити».⁶⁹

Самым сильным выражением соперевживания и включенности агиографа в описанные им события является его комментарий к бурным историческим

⁶⁶ РНБ, собр. СПбДАиС, № 279, л. 2 об.—3 об.; Житие прп. Паисия Величковского, написанное схимонахом Митрофаном. С. 124; Codex Niamecius № 207 (153), л. 3; *Tachiaos A.-E. N. The Revival of Byzantine Mysticism...* P. 96.

⁶⁷ *Tachiaos A.-E. N. The Revival of Byzantine Mysticism...*

⁶⁸ РНБ, собр. СПбДАиС, № 279, л. 14 об.—15; Житие прп. Паисия Величковского, написанное схимонахом Митрофаном. С. 131 (курсив мой); Codex Niamecius, № 207 (153) 207, л. 18 об.—19 (А.-Э. Н. Тахиаос в своем издании опускает эту часть рукописи); VMN, № 212, л. 22 об.

⁶⁹ РНБ, собр. СПбДАиС, № 279, л. 38—38 об.; Житие прп. Паисия Величковского, написанное схимонахом Митрофаном. С. 144.

процессам, которые вынудили преподобного Паисия и его общину покинуть Драгомирскую обитель в Буковине:

«О, Драгомирно, Драгомирно! Сладосте и утѣшение душъ нашихъ! Поминая въ тебѣ наше житие, или лучше молчати, да не исполнятся горести сердца наша, лишившеся тебе. Преидохомъ въ Секуль, увяде устроение и ослабѣ страдалческое душъ нашихъ произволение, от молвы трудовъ и попечений въ строении келлий, и прочиихъ. Аще источникъ медоточный духовный, исходящий от святыхъ устъ отца нашего, и напаяше, но не могий скоро охладѣвшая и ожесточившаяся сердца наша разгрѣти и умягчити и умъ, отемненный от предреченныхъ причинъ, трезвень, бистрозрителень и мужественно хранящъ сердце свое от прилоговъ. <...> О, Драгомирно, Драгомирно! Тебе намъ точию въ праздникъ воспоминати забывшее въ тебѣ наше житие подобаеть: ты намъ была аки садъ, при водахъ насажденный, скоро вкореняющая, различныя благоуханныя цвѣты и плодъ издающъ...».⁷⁰

Повествование Митрофана порой становится уже не житием, а проникнутыми лиризмом воспоминаниями, личными размышлениями о прошлом. Житие как литературный жанр доходит здесь до своих пределов, уступая место другим формам выражения нового содержания.

В какой-то мере сам Митрофан осознавал внутренние ограничения своего труда. В заключение он обращается к своим адресатам, т. е. своим возлюбленным братьям, которые не видели «ангеловиднаго лица святаго отца нашего»: да, обет свой описать святую жизнь старца он выполнил, подробно изложив «изшествие его изъ мира, странствія, бѣдствія, сожитие со братьями, труды и подвиги вышеестественныя»; но самое главное не поддается описанию, остается за пределами слова, в глубочайшей тайне Божьей:

«Духовныя же никтоже можетъ описати, ниже вѣдѣти бывшая на нь излишня Божественныя благодати и просвѣщения, еже и на лице изъ сердца его происхождаше, и аки пьяний от духовныя радости, любовию къ намъ разливашеся. Сия единъ точию Богъ, и онъ въ себѣ видяше, закрывся аки завѣсою глубочайшимъ своимъ смиренномудриемъ».⁷¹

⁷⁰ РНБ, собр. СПбДанС, № 279, л. 104—106 об.; Житие прп. Паисия Величковского, написанное схимонахом Митрофаном. С. 180—181; Codex Niamecius № 207 (153), л. 128 об.—129 об.; *Tachiaos A.-E. N. The Revival of Byzantine Mysticism...* P. 130—131.

⁷¹ РНБ, собр. СПбДанС, № 279, л. 136 об.—137; Житие прп. Паисия Величковского, написанное схимонахом Митрофаном. С. 198; Codex Niamecius № 207 (153), л. 160 об.; *Tachiaos A.-E. N. The Revival of Byzantine Mysticism...* P. 148—149.